

На правах рукописи

МУРАДАЛИЕВА
Альфия Велибеговна

**Фонетические и морфологические особенности
мазинского говора лезгинского языка**

Специальность 10.02.02- языки народов Российской Федерации
(кавказские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
*диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук*

Махачкала 2009

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Дагестанский государственный педагогический университет».

Научный руководитель –

доктор филологических наук, профессор
Эфендиев Исрафил Исмаилович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук
Шихалиева Сабрина Ханалиевна
кандидат филологических наук
Азизханова Анжела Эмирсултановна

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Дагестанский государственный университет».

Защита диссертации состоится «30» июня 2009 г. в 16 часов на заседании Диссертационного совета Д 212. 051. 01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Дагестанском государственном педагогическом университете по адресу: 367025, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57, ауд. 140.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Дагестанского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан и размещен на сайте ДГПУ (www.dgpu.ru) «29» мая 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.О. Таирова

Общая характеристика работы

Дагестанские языки не только поражают своей многочисленностью и диалектной раздробленностью, но и вместе с тем вызывают огромный интерес для науки.

Г.А. Климов пишет: “Большинство кавказоведов предполагают исконное генетическое родство между всеми ветвями кавказских языков. Однако сделано ещё недостаточно для объяснения этого родства, и создание сравнительно-исторической грамматики кавказских языков, которое превратило бы это предположение в научно-обоснованный факт, является одной из наиболее актуальных задач кавказского языкознания” [Климов 1967].

Несмотря на заметное оживление, наблюдающееся в последнее время в области лезгинской диалектологии [Асалиев 2004, Насруллаева 2004, Муртазаева 2005, Аливердиева 2007 и др.], всё ещё остаются вопросы, которые ждут своего решения.

В исследуемом в настоящей работе мазинском говоре ряд особенностей фонетического и морфологического порядка дают основание для монографического рассмотрения. Данный говор, который носит преимущественно черты ахтынского наречия, еще не получил научного освещения.

Объект исследования – мазинский говор ахтынского наречия лезгинского языка.

Предмет исследования – фонетические и морфологические особенности мазинского говора лезгинского языка, о котором в специальной литературе до сих пор не было никаких сведений.

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена, в первую очередь, необходимостью детального изучения фонетико-морфологических особенностей мазинского говора лезгинского языка и определения его места в системе диалектов лезгинского языка, в частности, ахтынского наречия.

Исследование данного говора имеет важное значение для лезгиноведения, оно открывает возможности выявлять и научно интерпретировать фонетические и морфологические особенности лезгинского языка.

Актуальность изучения говора возрастает в связи с процессами конвергенции говоров, связанными с переселением носителей, усиливающимся влиянием литературного языка.

Цель и задачи исследования.

Целью настоящей работы является синхронное описание фонетико-морфологической системы мазинского говора в сравнении с лезгинским литературным языком и другими диалектными единицами. Опираясь на данный сравнительный анализ, предстоит установить статус рассматриваемой языковой единицы и уточнить её место в классификационной системе лезгинских диалектов и говоров.

Цель исследования предопределила решение ряда конкретных задач:

- 1) всесторонне исследовать фонетический строй говора;
- 2) изучить морфологический строй говора, выявить его специфику на фоне лезгинского литературного языка и других говоров и диалектов;
- 3) определить систему местных падежей, которая по локальным единицам лезгинского языка имеет значительные расхождения;
- 4) описать общие и специфические для мазинского говора особенности в области фонетики и морфологии, провести их детальный анализ.

Научная новизна исследования.

В диссертационной работе впервые даётся системное описание мазинского говора ахтынского наречия лезгинского языка. Рассмотрен состав звуков говора, описаны типичные звуковые процессы, выявлены звукоответствия между говором и литературным языком.

Впервые подвергаются лингвистическому анализу морфологические особенности мазинского говора, в результате чего выделен ряд словоизменяемых морфем, не отмеченных в специальной литературе, а также выявлены специфические особенности времён и наклонений.

В научный обиход впервые включается значительный фактический материал мазинского говора.

Теоретическая значимость. Проведённое исследование способствует более глубокому теоретическому осмыслению специфики звукового строя и морфологической структуры лезгинского языка. Обнаруженные при исследовании мазинского говора особенности дают возможность уточнить классификацию лезгинских говоров, в частности, говоров ахтынского наречия. Материалы и выводы диссертационной работы могут быть использованы в изучении диалектов генетически родственных дагестанских языков.

Практическая ценность работы заключается в том, что её основные результаты ориентированы на преподавание лезгинского языка в школе, изучение курса лезгинской диалектологии в вузе, могут быть использованы при составлении учебников и методических пособий по диалектологии, сравнительно-исторической грамматики лезгинского и дагестанских языков, диалектологического и этимологического словарей лезгинского языка.

Методы исследования. Наиболее соответствующим решению поставленных перед диссертационным исследованием задач является метод синхронного сопоставления, который лежит в основе настоящей работы; привлекаются описательный и сравнительно - исторический методы.

Методологическую основу диссертации составили труды лингвистов по русскому языку и кавказским языкам, связанные с проблемами изучения диалектов. При изложении вопросов мазинского говора мы исходим из теоретических положений, выдвинутых в трудах дагестановедов: М.Е. Алексеева, Е. А. Бокарёва, М. М. Гаджиева, Р. И. Гайдарова, А. Г. Гюльмагомедова, Л. И. Жиркова, Г. Х. Ибрагимова, М. И. Кибрика, У. А. Мейлановой, Г. А. Климова, Н. Д. Сулейманова, Б. Б. Талибова, П. К. Услара, С. М. Хайдакова и др.

Источники исследования. В основе исследования лежит полевой материал, собранный автором во время экспедиций в село Бутказмаляр Мага-

рамкентского района Республики Дагестан в 2005-2008 годах, а также наблюдения за речью мазинцев, проживающих в городе Махачкале.

Основным методом сбора материала были записи личных бесед автора с представителями мазинского говора на месте. Главным образом собирался фольклорный материал: пословицы, поговорки, старинные песни, сказки, а также фрагменты обыденного разговора.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Система вокализма мазинского говора имеет в наличии звуки [аа, аьаь, о, оь, ы], не характерные для современного лезгинского литературного языка.

2. В системе консонантизма говора зарегистрированы дентолабиализованные звуки [ч°, чн°, ч°в, ч1°, ч1°в, ж°, ж°в, дж°, ш°, ф°], которые в лезгинском языке, помимо описываемого говора, характерны только для фийского диалекта. Данную систему характеризуют также отсутствующие в литературном языке фарингальные согласные [ɣ1, x1] и звонкая шипящая аффриката [дж].

3. В односложных словах с анлаутными согласными в говоре последовательно наращиваются протетические гласные [у], [уь], находящиеся в сингармонической связи с корневыми гласными, ср.: *уку^н* – лит. *ку^н* ‘гореть’, *уьч1°уьд* – лит. *к1уьд* ‘девять’ и т.д.

4. В мазинском говоре функционирует отсутствующий в литературном языке суффикс плюралиса *-аьр*, который характеризует односложные имена с согласным исходом и гласными переднего ряда основы, например: *ваькъ - аьр* ‘трава’ (лит. *вэкъ - эр*), *мирхъ - аьр* ‘ржавчина’ (лит. *муьрхъв - эр*) и т.д.

5. Специфической морфологической особенностью говора является образование качественных прилагательных от основ существительных с исходом на [th] посредством суффикса *-ту*, не зафиксированного в других локальных единицах (в лит. яз. используется *-лу*), ср.: *гьуьмэth - ту* ‘уважаемый’, ср. лит. *гьуьрмэth-лу*, *гьэдэth-ту* ‘обычный’, ср. лит. *адэth-лу* и т.д.

Апробация и публикации. Основные выводы и положения работы доложены на ежегодных (2006-2009) научных конференциях профессорско-преподавательского состава Дагестанского госпедуниверситета, отражены в девяти статьях. Работа обсуждалась на расширенном заседании кафедры дагестанских языков этого вуза.

Структура и объём работы. Структура диссертации определена её задачами и спецификой исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и условных сокращений. В качестве приложения даны тексты на мазинском говоре.

Работа изложена на 157 с. машинописного текста.

Основное содержание работы

Во введении обосновываются актуальность темы исследования, её теоретическая и практическая значимость, научная новизна, определены методика, источники исследования. Даются обзор литературы по лезгинской диалектологии, сведения о мазинцах.

В первой главе «Фонетические особенности мазинского говора» локальные отличия мазинского говора прослеживаются на уровне фонетики. В говоре сохранились интересные реликтовые черты лезгинского языка.

Звуковой состав, в частности, система гласных в говоре богаче, чем в литературном языке. Вокализм говора представлен одиннадцатью гласными ([а], [аа], [аь], [аьаь], [и], [э], [у], [уь], [о], [оь], [ы]), из которых нехарактерными для современного литературного языка являются звуки [аа], [аьаь], [о], [оь], [ы].

Долгие гласные [аа, аьаь] (аллофоны [а], [аь]) нередко появляются в результате комбинаторных изменений, в говоре имеют относительно широкое употребление: *аазур* – лит. *агъзур* ‘тысяча’, *джазаа* – лит. *жаза* ‘наказание, кара’, *аьаьгъир* – лит. *агъур* ‘тяжёлый, трудный’ и т. д.

Негубной [ы] в говоре зарегистрирован в единичных лексемах: *зыртһыл* - *зуртһул* ‘толстый, упитанный’, *цӀыртӀ* – *цӀуртӀ* ‘слюна (выпус-

каемая сквозь зубы), брызги'. Это явление отдаляет мазинский говор от ахтынского наречия, в языковом ареале которого он развивался (напомним, интенсивное употребление гласного [ы] представляет отличительную особенность ахтынского наречия).

Индивидуальной чертой фонетической системы говора является использование в исконных лексемах лабиальных гласных [о, оь]. Появлению [о], как правило, способствует передача лабиальности корневого согласного смежным с ним гласным, ср.: *ког* – *кваг* 'петля, уток', *пог* – *пагв* 'бок, рёберная часть'.

Умлаутированный губной [оь] в говоре зафиксирован в середине единичных лексем, ср.: *ж°оьш°* – *свас* 'невестка, сноха', *тIоькхв* – *тIэкхв* 'дыра'.

Сравнение системы гласных мазинского говора с аналогичной системой литературного языка показывает, что они имеют ряд отличительных особенностей, которые сводятся как к несовпадению количества гласных в данных системах, так и к различного рода звукосоответствиям. В одних случаях звукосоответствия между гласными в говоре обнаруживают системный (последовательный) характер, а в других они являются спорадическими.

В области негубных гласных в описываемом говоре зафиксированы следующие звукосоответствия:

[оь] - [э] (данное явление носит ареальный характер и распространено оно в говорах ахтынского наречия, а также частично в говорах курахского диалекта. В мазинском говоре соответствие [оь] - [э] ярко проявляется в односложных лексемах в окружении согласных звуков): *гъаьд* – *гъэд* 'звезда', *къаьб* – *къэб* 'люлька, колыбель', *хаьр* – *хэр* 'рана', *хъваьр* – *хъвэр* 'смех, улыбка' и др.;

[оь] - [а] (анлаутизация гласного [а]): *гъашкъи* – *ашкъи* 'вдохновение', *пэчһаьтһ* – *бажагъатһ* 'вряд ли, навряд ли', *ваьхIши* – *вагъши* 'дикий, дикарь', *хIарф* – *гъарф* 'буква' и др.;

[э] - [а]: *гьэдэтһ* – *адэтһ* ‘адат, обычай’, *гIэзиз* – *азиз* ‘дорогой, любимый’, *гьэрзэ* – *арза* ‘жалоба, заявление’, *вэзифэ* – *вэзифа* ‘долг, обязанность’, *лэм* – *лам* ‘осёл’ и др.;

[а] - [э] (звукосоответствие обратного характера в говоре проявляет себя не менее интенсивно): *ангья* – *ангьэ* ‘вон (при указании на отдалённый предмет или лицо)’, *вэлад* – *вэлэд* ‘дитя’, *айар* – *ийэр* ‘красивый, красиво’, *кһичIа* – *кһичIэ* ‘боязливый, пугливый’, *къала* – *къэлэ* ‘крепость, замок’ и др.;

[и] - [а] (соответствие полярно противоположных гласных): *изийатһ* – *азийатһ* ‘мучение, тягость’, *итһил* – *атһир* ‘аромат’, *итIлаз* – *атIлас* ‘атлас’ (ткань), *чIухьар* – *чIахар* ‘крупа’ и др.;

К локальным особенностям мазинского говора относятся более или менее системные звукосоответствия между губными и негубными гласными, ср.:

[у] - [а] (лабиализация гласного [а]): *кһувчһэ* – *кһавчһа* ‘половник, ковш’, *къувах* – *къавах* ‘тополь’, *кIураб* – *кIараб* ‘кость’, *мукъвам* – *макъам* ‘мелодия’ и др.;

[и] - [у]: *аьаьгьир* – *агьур* ‘тяжёлый, трудный’, *балигь* – *балугь* ‘рыба’, *цIикьуд* – *цIукьуд* ‘четырнадцать’, *чири* – *чуру* ‘борода’, *шимид* – *шумуд* ‘сколько’ и др.;

[у] - [и]: *ируд* – *ирид* ‘семь’, *устувутһ* – *истивут* ‘перец’, *къутһу* – *къватһи* ‘короб, шкатулка’, *къасул* – *къэзил* ‘лёгкий’, *луша^н* – *лиша^н* ‘метка, примета’ и др.;

[и] - [уь]: *чигьэ^н* – *жуйгьэ^н* ‘горящий уголёк’, *мигь* – *муьгь* ‘мост’, *мижид* – *муьжуйд* ‘восемь’, *мих* – *муьрхь* ‘ржавчина’ и др.;

[уь] - [и] (передача лабиализации утеренного корневого согласного смежному гласному): *уьл* – *вил* ‘глаз’, *уьр* – *вир* ‘водоём (небольшой), озеро’, *уьрт* – *вирт* ‘мёд’, *уьч* – *вич* ‘сам’ и др.;

[уь] - [у]: *гуйгуйртһ* – *гугуртһ* ‘порох’, *гуйж* – *гуж* ‘мощь, сила’, *ж^оуьр* – *зур* ‘насилие, половина’, *кьуй^ншуй* – *кьуй^нши* ‘сосед’ и др.

Таким образом, в отношении гласных коррелятивной пары [уь] - [у] описываемый говор можно считать зоной большего употребления умлаутированного гласного [уь].

Из звуковых процессов в области гласных характерными для мазинского говора являются наращение и выпадение, а также ассимиляция и диссимиляция гласных.

В говоре особенно ярко проявляет себя явление протезы – наращивание гласных в начале слова.

В односложных словах, имеющих в анлауте согласный звук, последовательно наращиваются гласные [у], [уь], находящиеся в сингармонической связи с корневым гласным, ср.:

[у]: *уку^н – ку^н* ‘гореть’, *укъу^н – къу^н* ‘стыть, охлаждаться’, *уфул – фул* ‘холодная дрожь, озноб’, *уху^н – хъу^н* ‘пить’ и др.;

[уь]: *уьгуь^н – гуь^н* ‘жать’, *уьчI^нуьд – кIуьд* ‘девять’, *уьтIуь^н – тIуь^н* ‘есть’, *уьхуь^н – хуь^н* ‘хранить, беречь’ и др.

Протетические гласные [и, э] наращиваются в лексемах менее последовательно, например: *иж^нвал – звал* ‘кипение’, *ини – ни* ‘запах’, *итал – тIал* ‘боль, болезнь’, *экъаьгъу^н – къаьгъу^н* ‘накладывать’, *эхъэ^н – хъэ^н* ‘тень, силуэт’.

Прослеживаются случаи вставки гласных [и, а] в середине и конце слов: *кIакIал – к^нкIал* ‘камешек’, *къалаба – гъалаб* ‘волнение’, *чика – ч^нка* ‘место’, *къуйу – къуй* ‘колодец’ и др.

Нередко распадение корневых лабиализованных согласных на составляющие элементы сопровождается развитием гласного [а] между ними, ср.: *гава – гва* ‘есть, находится’, *гавату^н – гвату^н* ‘расколотся, треснуть’, *кавахъу^н – квахъу^н* ‘пропадать, исчезнуть’ и др.

В говоре зарегистрировано выпадение гласных в предударных и заударных слогах: *къвазару^н – акъвазару^н* ‘остановить’, *нар – анар* ‘гранат’, *хьил – гила* ‘теперь’, *шкIи – жикIи* ‘шиповник’, *мизкъ – мискъи* ‘скупой’ и др.

Ассимиляция (прогрессивная и регрессивная) в говоре отмечена в лексемах:

[э] < [а]: *гьэдэтһ* – *адэт* ‘адат, обычай’, *эскэр* – *аскэр* ‘боец, воин’, *гьэфтэ* – *гьяфтэ* ‘неделя’;

[и] < [а]: *изийатһ* – *азийатһ* ‘мучение, тягость’, *итһил* – *атһир* ‘аромат’;

[у] < [а]: *укьу^н* – *акьу^н* ‘попадать, сталкиваться’, *кугьул* – *кһагьул* ‘ленивый’, *ругьул* – *рагьул* ‘мутный’;

[уь] < [и]: *гьуьруь* – *гьуьри* ‘гурия’, *уьлчһуь* – *уьлчһи* ‘гонец, вестник’.

В мазинском говоре имеет место также прогрессивная и регрессивная диссимиляция: *икьраб* – *акьраб* ‘скорпион’, *хIэйва^н* – *гьайва^н* ‘животное, скотина’, *дэрма^н* – *дарма^н* ‘лекарство’, *ируд* – *ирид* ‘семь’, *кьэлачI* – *кьэлэчI* ‘тонкий’, *цIулуцIам* – *цIалуцIам* ‘гладкий’ и др.

В системе согласных мазинский говор обнаруживает некоторые особенности.

Одним из ярких отличительных признаков говора является функционирование в нем дентолабиализованных согласных, отсутствующих в литературном языке. Помимо мазинского говора, данные звуки зафиксированы только в фийском диалекте лезгинского языка и в табасаранском языке.

В говоре используются следующие дентолабиализованные согласные [ч°, чһ°, ч°в, чI°, чI°в, ж°, ж°в, дж°, ш°, ф°]. Примеры: *ч°уьлуь* – лит. *куьлуь* ‘мелкий’, *ч°уь^н* – лит. *куь^н* ‘вы’, *ч°ваьна* – лит. *гьуьгьуьна* ‘позади’, *цIич°уд* – лит. *цIэкIуьд* ‘девятнадцать’, *цIачI°в* – лит. *цIэкIв* ‘мякина’, *ж°оьш°* – лит. *свас* ‘невеста, сноха’, *уьж°вар* – лит. *звэр* ‘быстрота, бег’, *хкьадж°у^н* – лит. *хкажу^н* ‘поднимать’, *гьуьйуьш°* – лит. *хэмис* ‘четверг’, *уьф°тһ* – лит. *уьфтһ* ‘свист’ и др.

Богатство консонантной системы мазинского говора, в частности, обусловливается (как и в отдельных других локальных единицах лезгинского языка) наличием фарингальных спирантов [гI] (звонкий), [хI] (глухой) и звонкой шипящей аффрикаты [дж], например:

[гI]: *гIэзиз* – *азиз* ‘дорогой, милый’, *магIна* – *мана* ‘содержание, смысл’, *миддаьгI* – *мидаьй* ‘недруг’;

[xI]: *хIаькь* – *гьэкь* ‘пот’, *кьэхIаьл* – *кьэгьал* ‘смелый, храбрец’, *фурахI* – *фираьгь* ‘широкий’;

[дж]: *джазаа* – *жаза* ‘наказание, кара’, *ваьджибл* – *важибл* ‘нужный, важный’, *тһадж* – *тһаж* ‘корона, зонт’.

В ходе характеристики согласных исследуемого говора отмечены закономерные (последовательные) и единичные звукосоответствия.

1. Оглушение анлаутных звонких согласных [б], [г], [д], [гь], что сближает описываемую речь с диалектными единицами ахтынского и кубинского наречий, ср.: *пайгьучһ* – *байкьуш* ‘сова’, *пIиркьи* – *буьркьуь* ‘слепой’, *куьгьуьл* – *гьуьгьуьл* ‘настроение, желание’, *кһуьмбэтһ* – *гьуьмбэтһ* ‘гробница, памятник’, *кIэтIэ* – *гэтIэ* ‘горшок, кринка’, *туьргэцһ* – *дэргэс* ‘коса’, *тIукIу^н* – *дуркIу^н* ‘почка’, *кьам* – *гьам* ‘горе, скорбь’, *кьалаба* – *гьалаб* ‘волнение’.

2. Деаффрикатизация смычно - гортанных согласных в начале и середине слов перед гласными. В говоре обнаруживаются регулярные параллелизмы (звукосоответствия): [к] - [кI], [кь] - [кь], [п] - [пI], [т] - [тI], [ч] - [чI]. Например: *кул* – *кIул* ‘лопатка, горб’, *куртһ* – *кIуртһ* ‘шуба’, *кьисмэтһ* – *кьисмэтһ* ‘судьба’, *пали* – *пIини* ‘черешня’, *устар* – *устIар* ‘мастер’, *вичи* – *гьвэчIи* ‘маленький’, *чэм* – *чIэм* ‘масло’.

Таким образом, глухие смычно-гортанные звуки (абруптивы) в говоре, в отличие от литературного языка, утрачивают гортанную смычку.

3. Соответствия спирантов:

[х] - [гь] (в ауслауте перед гласными в говоре вместо звонкого спиранта [гь] размещается его глухой коррелят [х]): *кьачһах* – *кьачһагь* ‘разбойник, бандит’, *кьуллух* – *кьуллугь* ‘работа, должность’, *иших* – *ишигь* ‘луч, свет’ и др.;

[ф] - [гь]: *фи^{н?}* – *гьи[?]* ‘какой? который?’, *фикIа?* – *гьикIа?* ‘как?’, *финна?* – *гьина?* ‘где?’, *фишту^{н?}* – *гьихьти^{н?}* ‘какой?’.

Из звуковых процессов в системе согласных наиболее значимыми для говора являются:

1. Нарращение согласных. В большом количестве лексем, преимущественно в восточных ориентализмах, в анлаутной позиции перед гласными [а, аь, э] наращивается глухой щелевой [гь], ср.: *гьаззар* - *азар* 'болезнь, недуг', *гьакьул* - *акьул* 'ум, разум', *гьэрба* - *арбэ* 'среда', *гьаьшкьи* - *ашкьи* 'вдохновение' и др.

Сонорный [н] наращивается преимущественно в середине, реже в конце слов после гласных, например: *гьа^нвилаьй* - *гьавилаьй* 'поэтому', *дэхна^н* - *дэхьнэ* 'недавно', *и^нбур* - *ибур* 'эти', *ми^ншэр* - *мишэр* 'пила' и др.

2. Выпадение согласных. В середине согласных (утрата согласных) [н, в, й, гь, р], например: *кIвэкI* - *кIвэнкI* 'острие, кончик', *миски* - *мискIи^н* 'мечеть', *уьл* - *вил* 'глаз', *уьч^н* - *вич^н* 'сам', *эб* - *йэб* 'верёвка', *ис* - *йис* 'шерсть', *хэсаьт^н* - *хасийат^н* 'черта характера', *аазур* - *агьзур* 'тысяча', *гьуьлаь* - *гьуьлаьгь* 'змея', *хьуч^н* - *хьурт^н* 'свалка мусора' и др.

3. Ассимиляция и диссимиляция согласных: *пIитIиш* - *битIиш* 'курносый', *тIакIу^н* - *дакIу^н* 'пухнуть', *кIакIал* - *к^нкIал* 'камешек', *цIицIиб* - *ц^ниц^ниб* 'цыплёнок', *чакьу^н* - *жаку^н* 'жевать', *дэрд* - *дэрт^н* 'горе, печаль', *гэлэджэк^н* - *гэлэжэг* 'будущее, будущность', *гвэйч^нэк^н* - *гьурч^нэг* 'красивый', *тIабрак^н* - *тапрак^н* 'лгун, обманщик' и др.

4. Метатеза. В говоре чаще, чем в других диалектных единицах, переставляются согласный и гласный, ср.:

Маз. гов.	Лит. яз.	
<i>инахI</i>	<i>ингьэ</i>	'вот (указат. часть)'
<i>ут^нку^н</i>	<i>т^нку^нIу^н</i>	'резать, колоть'
<i>уьт^нкуь^н</i>	<i>тIуькIуь^н</i>	'ладиться, ладить'

В единичных словах в говоре метатируются части сложных слов, например: *мирас* - *варис* 'родня, родственники по отцу' - лит. *варис* - *мирэс*, *кьил* - *кIвач^н* (*гату^н*) 'реветь, причитать' - лит. *кIвач^н* - *кьил* (*гату^н*) и др.

Во второй главе «Морфологические особенности мазинского говора» обнаруживается немало интересных особенностей морфологического строя исследуемой ареальной единицы с точки зрения истории лезгинского языка.

1. Имя существительное. В мазинском говоре и литературном языке при образовании множественного числа имён существительных наблюдаются различия в выборе показателей *-ар*, *-эр* (граф. *-ер*). В говоре формант *-ар* употребляется шире, чем в литературном языке, ср.: *чһуьтһ-ар* – лит. *жуь-тһ-эр* ‘пара’, *уьртһ-ар* – лит. *виртI-эр* ‘мед’, *нуьчI^о-ар* – лит. *нуькIв-эр* ‘птица’, *пэш-ар* – лит. *пэш-эр* ‘лист’.

В говоре формант *-ар*, в отличие от литературного языка (это видно из примеров), сингармонически не связан с вокалом основы. Следовательно, в лезгинском языке гармония гласных – явление инновационное.

Кроме того, в говоре функционирует отсутствующий в лит. языке суффикс плюралиса *-аьр* (он характеризует односложные имена с согласным исходом, имеющие в основе гласный переднего ряда), например: *ваькъ-аьр* – лит. *вэьк-эр* ‘трава’, *къэпI-аьр* – лит. *къэпI-эр* ‘люлька, колыбель’, *мирхь-аьр* – лит. *муьрхьв-эр* ‘ржавчина’, *раьгьв-аьр* – лит. *рэгьв-эр* ‘мельница’ и др.

Можно предположить, что исторически суффикс *-ар(-аьр)* в лезгинском языке выполнял и деривационную функцию, например: *дагьар* ‘пещера’, *дакIар* ‘окно’, *мэхьаьр* – лит. *мэхьэр* ‘свадьба’.

В мазинском говоре, как и в лезгинском языке в целом, представлена сложная многопадежная система, в которой насчитывается 18 падежей: 4 основных (абстрактных) и 14 местных (локативных).

В говоре и литературном языке имена существительные склоняются по принципу двух основ: именительный падеж лежит в основе эргатива (или так называемой косвенной основы), от последнего, в свою очередь, образуются косвенные падежи: родительный, дательный и все местные падежи.

Отличительные особенности говора в склонении субстантивов сводятся к следующему:

1) в местном падеже покоя III и производном от него падеже посредства II аффиксам *-s* соответствуют аффиксы *-v*, например:

Маз. гов.	Лит. яз.
Им. п. <i>нуьчI°</i>	<i>нуькI</i> 'воробей'
М.п. III <i>нуьчI°раг</i>	<i>нуькIрэв</i>
Поср. II <i>нуьчI°рагзи</i>	<i>нуькIрэвди</i> ;

2) в мазинском говоре согласному компоненту [д] форманта эргатива *-ди* литературного языка последовательно соответствует [з], например:

Маз. гов.	Лит. язык
<i>даьва</i> > эрг. п. <i>даьвази</i>	<i>даьвэ</i> > эрг.п. <i>даьвэди</i> 'война'
<i>итэм</i> > <i>итэмзи</i>	<i>итим</i> > <i>итимди</i> 'мужчина'
<i>уьхIуь</i> > <i>уьхIуьз</i>	<i>уьгьуь</i> > <i>уьгьуьди</i> 'кашель';

3) в говоре аффикс эргатива *-ци* (*-цIи*) противопоставлен аффиксу литературного языка *-чи* (*-чIи*), например:

Маз. гов.	Лит. язык
<i>джар</i> > эрг. п. <i>джарци</i>	<i>шар</i> > эрг.п. <i>шарчи</i> 'червь'
<i>ч°уьл</i> > <i>ч°уьлци</i>	<i>цуьл</i> > <i>цуьлци</i> 'сноп'
<i>чIар</i> > <i>чIарцIи</i>	<i>чIар</i> > <i>чIарчIи</i> 'волос';

4) В целом ряде односложных слов суффиксу эргатива *-э*, сингармонически связанному с вокалом основы, в говоре может соответствовать суффикс *-а*, ср.: *гэл* > эрг.п. *гэла* 'след' (лит. *гэл* > *гэлэ*), *гьэр* > *гьира* 'баран' (лит. *гьэр* > *гьэрэ*), *кьуьр* > *кьуьра* 'заяц' (лит. *кьуьр* > *кьуьрэ*), *кьаьл* > *кьаьла* 'соль' (лит. *кьэл* > *кьэлэ*) и др.

В приведённых примерах форма слов говора, где нет гармонии гласных, мы считаем, является исходной. Это свидетельствует о более позднем появлении в лезгинском языке явления сингармонизма;

5) односложные имена существительные с заднерядными гласными основы [а, у] в говоре образуют эргатив посредством аффикса *-ани* в противопоставление *-уни* литературного языка, например: *кьаб* > эрг.п. *кьапани* 'посуда' (лит. *кьаб* > *кьапунни*), *раб* > *рапани* 'иголка' (лит. *раб* > *рапунни*), *кул* > *кулани* 'веник' (лит. *кул* > *кулунни*) и др.;

б) при переднерядных гласных основы имена существительные говора принимают показатель эргатива *-эни* вместо *-ини* литературного языка, например: *кьяьб* > эрг.п. *кьяьпIэни* ‘люлька’ (лит. *кьэб* > *кьэпIини*), *мих* > *михэни* ‘гвоздь’ (лит. *мих* > *михини*), *чIиб* > *чIипIэни* ‘пядь’ (лит. *чIиб* > *чIипIини*) и др.

В формах множественного числа суффикс эргатива *-у* регулярно противопоставляется показателю *-и* литературного языка. В ахтынском диалекте эргатив множественного числа образуется посредством *-ы*. Примеры:

Маз. гов.	Ахт. диал.	Лит. яз.
Эрг. п.	Эрг. п.	Эрг. п.
<i>гьилэру</i>	<i>гьилары</i>	<i>гьилэри</i> ‘рука’
<i>мэцару</i>	<i>мэцары</i>	<i>мэцэри</i> ‘язык’
<i>рушару</i>	<i>рушары</i>	<i>рушари</i> ‘девушка’.

2. Имя прилагательное. Весьма интересная с точки зрения истории языка специфическая черта говора проявляется в образовании качественных прилагательных. Так, от основ существительных с исходом на [th] в говоре качественные прилагательные образуются с помощью суффикса *-ту*, не зафиксированного больше ни в одной другой локальной единице, а в литературном языке используется суффикс *-лу*, например: *гьуьрмэth-ту* ‘уважаемый’ (лит. *гьуьрмэth-лу*), *дэвлэth-ту* ‘богатый’ (лит. *дэвлэth-лу*), *кьимэth-ту* ‘ценный’ (лит. *кьимэth-лу*).

В единичных лексемах аффикс качественных прилагательных литературного языка *-лу* в говоре заменяется *-ли*: *мэшрэб-ли* – лит. *мишрэб-лу* ‘пристойный, красивый’, *лазим-ли* – лит. *лазим-лу* ‘нужный’, *эсил-ли* – лит. *асил-лу* ‘благородный’ (оба показателя восходят к азербайджанскому суффиксу *-лы*, ср. азерб. *абыр-лы* ‘красивый’, *вар-лы* ‘богатый’).

3. Имя числительное. В числительных *сад* ‘один’, *кьвэд* ‘два’ в косвенных падежах, в отличие от литературного языка, конечный согласный [д] переходит соответственно в [ц] и [цI], ср.: *сад* > эрг. п. *сацу* (лит. *сада*), *кьвэд* > *кьвэцIи* (лит. *кьвэда*).

У количественных числительных в единственном числе (кроме числительных один и два) эргатив оформляется показателем *-зи* (лит. *-а*), напри-

мер: *уькьуд -зи* ‘четыре’ (лит. *кьуда*), *уьчI уьуд -зи* ‘девять’ (лит. *кIуьда*) и т.д.

4. Местоимение. Отличия местоимений говора в основном сводятся к фонетическим: *чһу^н* – лит. *кһуь^н* ‘вы’, *ж^н уьв* – лит. *жув* ‘я сам’, *уьчһ* – лит. *вичһ* ‘он сам’, *чһиб* – лит. *чһэб* ‘они сами’, *фи^н* – лит. *гьи* ‘который’, *шимид* – лит. *шумуд* ‘сколько’.

5. Наречие. Наречным аффиксам литературного языка *-далди*, *-уналди*, *-элди*, *-вилелди*, посредством которого образуются наречия образа действия, в говоре соответствуют их фонетические варианты *-зийзи*, *-унийзи*, *-айзи*, *-валийзи*, например: *гьаьшкьи-зийзи* – лит. *ашкьи-далди* ‘добровольно, охотно’, *кьаст-унийзи* – лит. *кьаст-уналди* ‘усердно’, *мэц-айзи* – лит. *мэц-элди* ‘по-хорошему’, *ислахI-валийзи* – лит. *ислаьгь-вилэлди* ‘мирно, помирному’.

6. Глагол. Много своеобразного, отличительного отмечается в системе глагольного словообразования и словоизменения в говоре.

Индивидуальной особенностью говора является то, что сложные переходные глаголы здесь имеют аналитическую форму. А в литературном языке применим синтетический способ, например: *аазад-у^н* – лит. *азад-у^н* ‘освободить’, *гьаазур-у^н* – лит. *гьазур-у^н* ‘готовить’, *галаад-у^н* – лит. *галуд-у^н* ‘отделять, отцеплять’, *гакьуд-у^н* – лит. *кьакьуд-у^н* ‘убирать, отбирать’ и др.

Кроме того, ряд сложных глаголов непереходной семантики в говоре образуется с помощью вспомогательного глагола *ку^н* аналитически в противопоставление семантическим глаголам литературного языка структуры ‘глагольная основа + -у^н’, где элемент -у^н восходит к вспомогательному глаголу *хьу^н* ‘быть, становиться’, например: *ават ку^н* – лит. *авату^н* ‘падать’, *агат ку^н* – лит. *агату^н* ‘подходить, приближаться’, *кагат ку^н* – лит. *кату^н* ‘бегать, бежать, убежать’ и др.

Отличия в образовании временных форм глагола в говоре сводятся к следующему:

- аналитическая форма настоящего продолжительного времени противопоставляется синтетической форме литературного языка, например: *рахаз ама* – лит. *рахазма* ‘всё ещё говорит’, *ухваз ама* – лит. *хъвазма* ‘всё ещё пьёт’, *уьхуьз ама* – лит. *хуьзма* ‘всё ещё хранит’ и др.;

- будущее время в говоре образуется суффиксацией *-за* (лит. *-да*) к основе деепричастия, ср.: *гуза* – лит. *гуда* ‘дам’, *къвэза* – лит. *къвэда* ‘приду, приеду’, *иза* – лит. *ийида* ‘сделаю’ и т.д.

Первое лицо императива в говоре образуется безаффиксальным способом, путём отсечения (отбрасывания) показателя деепричастия *-з*, в литературном языке данная форма образуется суффиксацией *-н*, например: *гъэ* – лит. *гъи^н* ‘принести’, *гу* – лит. *гу^н* ‘дадим’, *лугьу* – лит. *лугьу^н* ‘скажем’, *ии* *-ийи^н* ‘сделаем’ и т.д.

В говоре форма предположительного наклонения образуется с помощью суффикса *-йзи*, которому в литературном языке соответствует *-ди*, ср.: *гуйзи* – лит. *гуда* ‘даст’, *инэйзи* – лит. *нэда* ‘съест’, *къач^овайзи* – лит. *къачхуда* ‘возьмёт’ и т.д.

Отрицательные формы глагола в мазинском говоре образуются путём присоединения к соответствующим положительным аффиксам отрицания *-чh*, *чhий* (лит. *-чh*, *-чhип*). Это явление сближает говор с литературным языком. Примеры: *атаначh* // *атаначhий* – лит. *атаначh* // *атаначhип* ‘не пришёл, не приехал’, ср.: ахт. нареч. *атанаиш* // *атанаиший* и т.д.

В заключении подводятся итоги и обобщаются основные результаты исследования.

Проведённое исследование позволяет определить речь мазинцев как самостоятельный говор лезгинского языка, сохранивший реликтовые (исторические) черты. По своим основным фонетическим и морфологическим признакам мазинский говор можно квалифицировать как один из локальных (диалектных) единиц ахтынского наречия лезгинского языка.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статья, опубликованная в издании, включённом в перечень ВАК РФ.

1. О звукосоответствиях в консонантных системах мазинского говора и лезгинского литературного языка // Научный журнал «Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена» № 92. – Санкт-Петербург, 2009. С. 204-205 (0,5 п. л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях.

2. Функции основных (общеобразовательных) падежей в лезгинском языке // Высшее профессиональное образование в республике Дагестан: проблемы, тенденции, перспективы. Выпуск 2. – Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – С. 36-40 (0,25 п. л.).

3. К вопросу об образовании множественного числа имён существительных в лезгинском языке // Вопросы дагестанских языков и литературы. Выпуск 6. — Махачкала: ДГПУ, 2007. – С. 136-138 (0,25 п. л.).

4. Способы образования имён существительных в лезгинском языке // Вопросы дагестанских языков и литературы. Выпуск 6. – Махачкала: ДГПУ, 2007. — С. 138-140 (0,25 п. л.).

5. Строение производных имён существительных в лезгинском языке // Проблемы общего и дагестанского языкознания. Выпуск 5. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2008. — С. 243-250 (0,35 п. л.).

6. Некоторые морфо-фонетические процессы, происходящие в лезгинском языке // Высшее профессиональное образование в республике Дагестан: проблемы, тенденции, перспективы. Выпуск 3. – Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. — С. 35-38 (0,25 п. л.).

7. Звукосоответствия в системе гласных мазинского говора лезгинского языка // Теоретические и методологические проблемы национально-русского двуязычия. Материалы конференции. — Махачкала: ДНЦ РАН, 2009. – С. 320-322. (0,25 п. л.).

8. Фонетические особенности в системе гласных мазинского говора лезгинского языка // Гуманитарные науки: новые технологии образования.

Материалы 14 региональной конференции. Часть II.— Махачкала: ДГУ, 2009. – С. 39-43 (0,3 п. л.).

9. Категория множественного числа имён существительных мазинского говора лезгинского языка // Гуманитарные науки: новые технологии образования. Материалы 14 региональной конференции. Часть II. – Махачкала: ДГУ, 2009. — С. 37-39 (0,25).